

На правах рукописи

ПОЛУЯН НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

**ИДЕИ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ
«РУССКОГО ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМА»**

(В.А. Базаров, А.А. Богданов)

09.00.01 Онтология и теория познания

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
философских наук

Киров – 2010

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» на кафедре философии и социологии.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Ненашев Михаил Иванович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Внутских Александр Юрьевич

кандидат философских наук, доцент
Смагин Сергей Леонидович

Ведущая организация: ГОУ ВПО Московский авиационный институт
(Государственный технический университет),
кафедра философии

Защита состоится **16 декабря** 2010 г. в **12.00** на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук, доктора культурологии ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. Киров, ул. К. Либкнехта, д. 89.

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ:
http://vak.ed.gov.ru/ru/announcements_1/filosof_sciences/

Автореферат разослан «_____» ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.И. Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

На сегодняшний день не уменьшается интерес к интеллектуальному наследию России, в том числе к русской философской мысли. Однако часто считается, что русская философия была преимущественно религиозной и оставила за чертой своего поля зрения многие классические проблемы философии, например, проблемы гносеологии как особого раздела, в котором анализируется природа и возможности знания, его границы и условия достоверности. Представляется, что это весьма распространенное мнение является, по крайней мере, не совсем точным.

Очевидно, что ни одна философская система, претендующая на нахождение предельных оснований знания и деятельности, и русская не является здесь исключением, не может обойтись без исследования вопросов гносеологии. Другое дело, что данная проблематика может содержаться в философской концепции не в открытой форме, а например, через такие формулировки в онтологии, которые неявно определяют возможности и характер знания.

Является фактом, что в работах целого ряда русских философов конца XIX – начала XX в., в том числе так называемых «русских эмпириокритиков», вопросам именно теории познания отводится одно из центральных мест. Причем речь здесь идет о познании в самом широком смысле, с учетом его непосредственной включенности в социальную структуру и в человеческую деятельность в целом.

Известно, что как таковая теория познания продолжала играть главную роль в западной философии вплоть до середины XX в., когда появляется необходимость в переосмыслении самих способов постановки ее проблем и способов их решения. Выявляются новые связи теории познания и других областей философии, а так же науки и культуры в целом. В последние десятилетия прошлого века постепенно начинает складываться неклассическая теория познания, которая отличается от классической по многим основным параметрам. Изменение теоретико-познавательной проблематики и методов работы в этой области большинство современных философов связывает с новым пониманием познания и знания, а так же отношений теории познания и других сфер знания о человеке и культуре. Сегодня этот новый тип теории познания находится только в начальной стадии своего развития.

В связи с этим тем более удивительным представляется следующий факт. Именно то, что ряд положений, пусть не совсем явно и методологически четко сформулированных несколькими русскими философами на рубеже XIX – XX вв., в том числе А.А. Богдановым и В.А. Базаровым, прямо согласуются с важными особенностями новой теории познания.

По мнению академика В.А. Лекторского¹, эти особенности можно представить в виде следующих положений, а именно: посткритицизм, отказ от фунда-

¹ См. ст. Теория познания // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. С. 47–52.

ментализма и субъектоцентризма. Можно показать, что в работах «русских эмпириокритиков» возможно, найти элементы и первого, и второго, и третьего.

1. Считается, что посткритицизм означает понимание и признание того факта, что познание не может начинаться с нуля, оно предполагает «вписанность» познающего индивида в одну из философских или научных традиций. Но именно А.А. Богданов и В.А. Базаров отстаивали ту точку зрения, что всякое знание является продуктом коллективной разработки, речь идет о необходимости доверия к результатам предыдущей деятельности других людей.

2. Отказ от фундаментализма связан с обнаружением изменчивости познавательных норм, невозможности формулировать жесткие нормативные предписания развивающемуся познанию. Как известно, в философии предлагаются различные способы выхода из данной ситуации, вплоть до отказа рассматривать теорию познания как самостоятельный раздел философского знания. Но, как один из вариантов решения проблемы вполне можно рассматривать те способы понимания задач теории познания, которые предлагали русские философы, подчеркивая обязательный коллективный характер получения знания (как обыденного, так и научного). Как следствие это влечет за собой установление и изучение коммуникативных связей в обществе, которые исторически развиваются. То есть, нормы познавательной деятельности как одного из видов человеческой деятельности изменяются и развиваются в социо-культурном процессе.

На современном этапе разрабатывается программа так называемой социальной эпистемологии. Она предполагает взаимодействие философского анализа с изучением истории познания и его социально-культурного исследования.

3. Пункт отказа от субъектоцентризма выглядит еще более очевидным. Дело в том, что как Богданов, так и Базаров рассматривают индивида (познающего субъекта) как изначально включенного в реальный мир и в систему взаимоотношений с другими людьми (субъектами). Субъективность рассматривается ими в качестве своеобразного «культурно-исторического продукта».

Гораздо позже примерно эти же идеи будут положены рядом западных специалистов (Р. Харре и др.) в основу «коммуникативного» подхода к пониманию Я, сознания и познания.

Мы полагаем, что непризнание и неизвестность основных работ таких философов как Богданов и Базаров можно объяснить тем, что, с одной стороны, философские споры в России на рубеже XIX – XX вв. оказались глубоко политизированными и проникнутыми метафорами, присущими исключительно миру политики. А с другой стороны, в начале прошлого века их идеи настолько опережали свое время, что не могли быть восприняты не только на их родине, в России, но и на Западе. А во время рождения новых направлений в философии (феноменология) и в науке (кибернетика, синергетика, общая теория систем) о них вряд ли уже кто-то помнил.

Поэтому, детальное изучение реального вклада наших русских философов в формирование и развитие современной философии и науки является, на наш взгляд, одним из наиболее перспективных направлений исследований, тем более что возникновение современного информационного общества делает про-

блематику получения и ассимиляции знания одной из центральных для культуры в целом.

Степень разработанности проблемы

Изучение теоретического наследия «русских эмпириокритиков», в том числе А.А. Богданова и В.А. Базарова, в Советском Союзе долгое время находилось под запретом. Известно, что важным теоретическим рубежом в истории русского марксизма был период между двумя русскими революциями: конец 1900-х – начало 1910-х годов. Этот период характеризовался дебатами относительно возможности теоретического обновления марксистской доктрины с помощью философии эмпириокритицизма и так называемого «богостроительства» («религии человечества»). По выражению С.Л. Франка, это было время «философской распри в марксизме»¹.

Идеологами нового, «неортодоксального» течения в марксизме были А.А. Богданов, В.А. Базаров, А.В. Луначарский и др., которые стали объектами резкой критики со стороны «ортодоксальных» марксистов (Л.И. Аксельрод, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин)². По выражению Плеханова, взгляды Богданова и Базарова можно считать «новой разновидностью ревизионизма». В.И. Ленин не только поддержал эту критику, но и подчеркнул ее недостаточность. В своей знаменитой работе «Материализм и эмпириокритицизм» он стремился показать, на чем «свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное». С тех пор «русские эмпириокритики» приобретают устойчивую репутацию «еретиков в марксизме», «идейных противников» и «махистов», а обращение к их творчеству априори воспринималось как посягательство на основы марксизма-ленинизма только потому, что именно против «идеалистических вывертов» Богданова и других философов было направлено критическое острие вышеуказанной работы Ленина.

Завеса молчания вокруг имени Богданова была ненадолго приоткрыта в конце 1960-х годов: на пике научно-технической революции в отечественных научных изданиях появились публикации, где доказывалось, что изобретенная Богдановым «тектология» – наука о принципах организации систем – предвосхитила появление теории систем и кибернетики (М.И. Сетров, Г.Н. Поваров). Кроме того, изложение основных положений всеобщей науки об организации в свете системных представлений 60-х годов дано в статье А.Л. Тахтаджяна³.

Несколько позднее наследием А. Богданова заинтересовались и на Западе. Так, А. Вусинич признавал Богданова «одним из наиболее оригинальных, пло-

¹ Франк С.Л. Философские отклики // Русская мысль. – 1910. № 4. – С. 136–145.

² См.: Аксельрод Л.И. Философские очерки. – СПб.: Изд-во М.М. Дружининой и А.Н. Максимовой, 1906; Плеханов Г.В. Materialismus militans. Ответ г. Богданову // Избранные философские произведения. Т. 3. – М., Политиздат, 1957.; В.И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // ПСС. Издание 5. Т. 18. – М., Политиздат, 1961. – С. 7–384.

³ См. Тахтаджян А.Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. Ежегодник. 1971. – М., 1972.

довитых и образованных российских социальных философов того поколения»¹ и посвятил его социологической концепции особый раздел своего исследования по истории русской социальной мысли. По мнению Вусинича, появление «тектологии» было социально обусловлено.

Дело в том, что Богданов выступил в роли идеолога нарождавшегося тогда общественного слоя – технической интеллигенции. Анджей Валицкий и Эйлин Келли², вступившие в спор друг с другом по вопросу о степени близости Богданова к ленинизму, сошлись в определении социальной природы воззрений Богданова. С их точки зрения, «антиавторитарный тоталитаризм» Богданова, враждебный индивидуальной свободе и призывающий к растворению личности в коллективе, стал выражением групповой идентичности того слоя русской интеллигенции, который искренне стремился принять пролетарскую революцию и Советскую власть.

В настоящее время изучение интеллектуальной истории России XIX – XX вв. стало одним из самых перспективных и быстро развивающихся направлений отечественной науки и философии; благодаря усилиям современных исследователей заполнены многие «белые пятна» в истории русской мысли. Однако именно марксистское направление дореволюционной русской мысли часто остается без должного внимания. Отказ от марксизма как официальной идеологии повлек за собой и утрату интереса к марксизму как течению философской мысли.

Но можно смело отметить и другое. Именно теперь, когда марксизм перестали считать «единственно верным» и потому «всесильным» учением, может и должно наступить время «критического осмысления всего методологического наследия в целом, в том числе и марксистского»³. То есть, другими словами, можно сказать, настало время представить русский марксизм не как догматическое, застывшее учение, а как полноправное направление русской мысли, развивавшееся в атмосфере напряженных интеллектуальных поисков.

Может быть, поэтому в российской науке всплеск интереса к творчеству А.А. Богданова как серьезному и оригинальному представителю «неортодоксального марксизма» пришелся на 1990–2000-е годы. Именно в этом ключе анализирует творческое наследие философа В. Жукоцкий⁴. Совсем недавно были переизданы основные труды А.А. Богданова – «Эмпириомонизм» и «Тектология» (переиздавалась два раза), появились и основательные научные коммен-

¹ См. Vucinich A. *Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society. 1861–1917.* Chicago and London, The Univ. of Chicago Press, 1976.

² См. Kelly A. *Empiriocriticism: A Bolshevik Philosophy?* // *Cahiers du Monde russe et soviétique.* Vol. 22. 1981. № 1. P. 119–125; Kelly A. *Red Queen of White Knight? The Ambivalences of Bogdanov* // *The Russian Review.* Vol. 49. 1990. P. 305–315; Walicki A. *Alexander Bogdanov and the Problem of the Socialist Intelligentsia* // *The Russian Review.* Vol. 49. 1990. P. 293–304.

³ Дорошенко Н.М. *Философия и методология истории в России (конец 19 – начало 20 вв.): Учебное пособие.* – СПб., 1997. – С.162.

⁴ См. Жукоцкий В.Д. *Маркс после Маркса. Материалы по истории и философии марксизма в России.* – Нижневартовск, Приобье. 1999 и др.

тарии к ним (И.С. Нарский, Н.А. Кузьминых, П.А. Плюто, К.Н. Любутин, Г.Р. Змановский и др.)¹.

В 1999 году было создано специальное научное учреждение «Международный институт Александра Богданова» (МИАБ) для объединения, координации и развития фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных ученых «творчески применяющих идеи, заложенные в научном наследии А. Богданова»². К заслугам института относится создание детальной и полной библиографии трудов русского мыслителя, как на русском, так и на других языках, многие из которых переизданы в выпусках периодического издания «Вестнике МИАБ». Кроме того, речь идет о проведении российских и международных конференций, в том числе интернет-конференций, в которых принимают участие иностранные и российские специалисты, занимающиеся разработкой идей А. Богданова (Л. Абалкин, В. Маевский, В. Попков, Г. Гловели, Н. Фигуровская, Н. Горелик, Д. Шапиро, Дж. Биггарт, А. Яссор и др.)³.

Область идей, содержащихся в научном наследии А. Богданова чрезвычайно широка, большинство из них находятся на стыке физики, экономики, биологии, социологии и философии. И, как замечают В.Н. Садовский и В.С. Клебанер, возрождение интереса к Богданову объясняется потребностями, скорее всего науки и практики. И действительно «Тектология» переиздавалась у нас в стране издательством «Экономика». В связи с этим, изучение именно философского наследия русского мыслителя остается насущной задачей для многих исследователей его творчества.

Однако если про А. Богданова можно сказать, что ему возвращено, по крайней мере, имя великого ученого и продолжают вестись довольно активные исследования его творчества как философа, то В. Базарову «повезло», если можно так сказать, значительно меньше. Определенный «прогресс» в официальном отношении к Базарову наметился в 60-е годы прошлого века, когда в энциклопедических изданиях его перестали именовать «социал-вредителем», «буржуазным реставратором» и т.п. При этом, не упоминая ни о заслугах, ни о репрессиях, вслед за очень краткими биографическими данными приводился обычно неперемный перечень его идеологических «грехов»: «махизм», положение о «затухающих темпах экономического роста» и т.д.

В конце 1980-х годов, еще до официальной реабилитации, которая последовала в 1990 году, появляются первые сочувственные статьи о Базарове и переиздаются некоторые из его экономических работ. Соответственно и речь могла идти только о заслугах автора в области экономических исследований,

¹ См. напр. Нарский И.С. А.А. Богданов – философ (1873–1928) // Философские науки – 1991. № 4. С. 58–73.

² Цит. из Устава МИАБ

³ В 1998 году в Англии был издан двухтомник, посвященный обзору работ Богданова, как основоположника системных исследований в России с комментариями к его библиографии на русском и иностранных языках: Alexander Bogdanov and Origins of Systems Thinking in Russia. Edited by J. Biggart, P. Dadley, F. King. Ashgate Publishing Limited, Aldershot. England. 1998; Bogdanov and his Work. J. Diggart, G. Glovely, A. Yassour. Ashgate Publishing, Aldershot. England. 1998.

которые считались актуальными по проблематике в то время. Однако и при столь явном интересе к этой стороне деятельности Базарова, как указывает В. Клебанер, однотомник его трудов, намеченный издательством «Экономика» к выпуску в серии «Экономическое наследие», так и не увидел света.

Что касается его философских работ, то ни одна из них не была до сих пор переиздана, не появились пока и серьезных исследований, посвященных этой важной и интересной части его наследия. Серьезным шагом вперед по созданию подробной биографии Базарова можно считать публикацию очерка внука философа Е.А. Руднева¹. Большая работа по восстановлению библиографических данных о работах Базарова была проделана Е.Н. Никитиным² при использовании материалов диссертации Ф.Кинга на соискание ученой степени доктора философии, защищенной в 1994 году в Университете Восточной Англии³. Многие для знакомства российских и зарубежных исследователей с философским наследием В. Базарова сделано В.С. Клебанером⁴, в работах которого характеризуются основные вехи творческого и жизненного пути философа, в том числе с привлечением новых, ранее не публиковавшихся материалов. Однако при всем этом, конечно же, до воссоздания философского наследия В. Базарова в полном объеме еще очень далеко, и для этого необходимо в первую очередь переиздание его трудов, по крайней мере, важнейших из них.

Объектом исследования являются идеи русского эмпириокритицизма как особой составляющей исследований отечественной философии в области теории познания.

Предмет исследования – гносеологические идеи В. Базарова и А. Богданова в контексте ведущих философских концепций XX в.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы представить взгляды В. Базарова и А. Богданова в качестве вполне самостоятельных и оригинальных концепций, включающих критическое отношение к эмпириокритицизму Э. Маха и Р. Авенариуса, а также идеи, близкие философским направлениям, не совпадающим с эмпириокритицизмом.

Для выполнения поставленной цели решались **задачи**:

– Раскрыть существо взглядов важнейших представителей эмпириокритицизма Э. Маха и Р. Авенариуса и их уязвимость с точки зрения феноменологического подхода;

– Выделить критическую направленность работ В. Базарова и А. Богданова по отношению к идеям Э. Маха и Р. Авенариуса;

– Обосновать тезис о параллелизме между идеями В. Базарова и А. Богданова и некоторыми положениями феноменологической философии;

– Представить определенные идеи А. Богданова в качестве развития важнейших положений Маркса.

¹ См. Руднев Е.А. Мой дед – В.А. Базаров // Вестник МИАБ. – 2002. № 4 (12).

² См. Никитин Е.Н. Библиография В.А. Базарова (дана как приложение к статье «Философ – коллективист») // Библиография. – 2002. № 4.

³ Тема диссертации Ф. Кинга: «The political and economic Thought of V.A. Bazarov».

⁴ См. Клебанер В.С. К возвращению В. Базарова // Вопросы философии – 2004. № 6. С. 75–93.

Теоретической и методологической основой исследования является историко-философский материал, непосредственно связанный с заявленными задачами и выраженный в трудах представителей различных философских направлений. При анализе материала использовались методы сравнения и анализа.

В связи с этим теоретической основой диссертации послужили исследования проблем гносеологии, отраженные в работах как русских философов А.А. Богданова, В.А. Базарова, так и ряда других отечественных, а также зарубежных авторов, что позволило получить философские выводы общего характера и многосторонне подойти к рассматриваемым проблемам.

Научная новизна исследования. В диссертации преодолевается взгляд на гносеологические идеи В. Базарова и А. Богданова как лишь модификацию европейского эмпириокритицизма и проводятся следующие положения:

– идеи, объединяющие как Э. Маха, так и Р. Авенариуса, являются уязвимыми с позиции феноменологического направления;

– в гносеологических идеях В. Базарова и А. Богданова присутствует, с одной стороны, критика субъективизма Э. Маха и Р. Авенариуса и стремление к обоснованию нормативного и объективного характера познавательной деятельности, с другой, близость к положениям феноменологической философии об intersubjectивности и аппрезентативной связи;

– показывается, что тезис В. Базарова об историческом характере Я-психологии вполне соответствует современному пониманию поэтапного развития человеческой психологии;

– в концепции А. Богданова о тождестве общественного бытия и общественного сознания имеются позитивные моменты;

– учение А. Богданова об исторических формах причинности является развитием идеи К. Маркса об объективных мыслительных формах.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

1. Гносеологические концепции В. Базарова и А. Богданова есть нечто большее, чем конкретизация и развитие взглядов Э. Маха и Р. Авенариуса, и включают в себя критику этих взглядов.

2. Взгляды В. Базарова и А. Богданова обнаруживают несомненную общность с идеями таких философских направлений XX в. как феноменология и марксизм.

Теоретическая и практическая значимость работы

Работа вносит определенный вклад в раскрытие достижений отечественной философии в области теории познания и углубляет представление о гносеологических проблемах, разрабатываемых в русской философии в период конца XIX – начала XX вв., тем самым, открывая новые возможности для будущих изысканий в этой сфере.

Материал и выводы работы позволяют использовать ее в учебно-педагогической практике, в частности, при разработке спецкурсов, учебных программ, лекций, семинарских занятий по отечественной философии, таких как «Теория познания марксизма», «Современная философия», «Феноменологические исследования в России начала XX века».

Апробация работы

Основные положения проведенного исследования были представлены на Всероссийской научной конференции «Гуманитарные ценности общества: история и современность» (Киров, 2005), Региональной научной конференции «Гуманитарные проблемы современного информационного общества» (Киров, 2006), Региональной научной конференции «Философия, культура, социум: аспекты взаимодействия» (Киров, 2010). Кроме того, диссертация обсуждалась в ходе заседаний и научно-методических семинаров кафедры философии и социологии ВятГГУ.

Структура исследования определяется целью, решением поставленных задач и логикой исследования. Работа включает введение, три главы, заключение и список литературы. Содержание изложено на 165 страницах. Библиография содержит 162 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы, выясняется степень ее разработанности, определяются объект и предмет, характеризуется методологическая и теоретическая основа, определяются цель и задачи исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе **«Эмпириокритицизм Р. Авенариуса и Э. Маха»** рассматриваются наиболее существенные положения концепций Э. Маха и Р. Авенариуса в качестве важнейших представителей эмпириокритицизма и обосновывается их уязвимость с точки зрения феноменологического подхода (Э. Гуссерль).

В первом параграфе **«Эмпириокритицизм как этап в развитии позитивизма»** кратко характеризуются истоки и основные моменты научно-философской программы эмпириокритицизма.

Эмпириокритицизм, или второй позитивизм, или махизм – разные определения одного и того же направления, возникшего в философии и науке в конце XIX в., достигшего наибольшей популярности в начале века XX, прежде всего в среде ученых-естествоиспытателей. Главными фигурами эмпириокритицизма были Эрнст Мах и Рихард Авенариус.

С одной стороны, «махизм» несомненно, был связан с направлением «позитивной философии», в рамках которой он и развивался, а с другой, он оказался включен в общий эволюционный процесс развития европейской философской мысли конца XIX – начала XX вв. Его программные установки составили ядро весьма широкого направления в философии науки, а именно – «физического идеализма», где особое значение приобрел вопрос об «онтологическом статусе» фундаментальных понятий и принципов науки. Речь идет о течении европейской философской мысли, которое стремилось избавиться от «метафизики» на основе научного анализа «механизмов познавательных процессов». Главной задачей было провозглашено детальное изучение познавательного процесса при обращении к его истокам. А поскольку эмпириокритики считали своей целью «критическое исследование опыта», что, по сути, и означало ради-

кальное очищение опыта от «метафизики», то теория познания оказалась в фокусе их непосредственного внимания.

В «позитивном» плане эмпириокритики намеревались обобщить практику научного (прежде всего, естественнонаучного) познания, обратив внимание на те эффективные приемы, которые были выработаны в ходе исторического развития наук, тем самым обеспечить достоверность научных утверждений. Такая установка сыграла важную роль в дискредитации традиционной «кумулятивистской» модели развития научного знания. Эта линия была затем продолжена и в методологических разработках постпозитивизма.

Программные установки эмпириокритицизма сводятся к нескольким положениям:

1. Теория «нейтральных» элементов («элементов мира»). В соответствии с данной концепцией элементы опыта (под которыми Мах понимает ощущения) и их функциональные отношения представляют собой единственную реальность, которую можно допустить, если последовательно проводить принцип устранения «метафизики». Мах полагал, что таким способом можно устранить нескончаемые философские споры между материалистами и идеалистами. Если физическое и психическое построены из одних и тех же элементов мира, то ставить вопрос о том, что первично, а что вторично, просто бессмысленно. Сходную точку зрения развивал и Авенариус.

2. Принцип экономии мышления. Научные законы Мах интерпретировал как «экономный способ описания ощущений», представляющих данные наблюдения. Целью научного познания является, во-первых, накопление опытных данных, а, во-вторых, отыскание таких понятий и законов, которые давали бы наиболее экономные описания «элементов опыта». У Авенариуса данный принцип, включенный в концепцию жизни, становится уже «принципом наименьшей траты сил», который выступает в качестве критерия жизнеспособности организма.

3. Критика «механицизма». Известно, что критические высказывания Маха в адрес механики Ньютона и, в частности, его теории абсолютного пространства и времени, предвосхищали последующие идеи общей теории относительности А. Эйнштейна.

Во втором параграфе **«Рихард Авенариус: идея «принципиальной координации»** на основе анализа работ Р. Авенариуса раскрывается суть учения швейцарского философа о «принципиальной координации».

Авенариус стремится обосновать теорию познания, согласно которой обработка опыта происходит с точки зрения зависимости между средой и человеческим «нервным центральным органом». Эта зависимость принимается за исходную точку исследования, которое, критически рассматривая разнообразные концепции интроекции, вкладывающие в телесность человека некий параллельный внутренний мир, сформулировало учение о «принципиальной координации»; последняя, как предполагалось, должна отстоять «наивный реализм» обычного человека.

Естественное человеческое понятие о мире образуется из составляющих: части среды как данности и высказываний других людей по отношению к этим

составным частям, то и другое заметно различаются между собой, но первоначально именно они представляют для человека «опыт». Однако этот единый целостный мир распадается, по мнению Авенариуса, на внешний и внутренний, как только мы начинаем толковать высказывания других людей. В результате естественное единство эмпирического мира заменяется противоположностью объекта и субъекта.

Задача состоит в восстановлении естественного понятия о мире через «выключение» интроспекции из человеческого мышления и признание неразрывной взаимосвязи опыта по отношению к «я» и опыта по отношению к среде в том смысле, что и «я» и среда одинаково принадлежат опыту, который в своей чистоте совпадает с комплексами элементов (ощущений).

В итоге проблема отношения наших ощущений, представлений и содержания сознания к материальным вещам представляется как мнимая. Сами содержания сознания, которые Авенариус отождествляет с психическими процессами, связанными с изменениями нервной системы, представляют собой не что иное, как элементы окружающей среды. А это позволяет отказаться от дуализма внешнего и внутреннего (объектного и субъектного) как базового онтологического принципа, не соответствующего «изначальному опыту».

В третьем параграфе «**Анализ ощущений Эрнстом Махом**» формулируются основные идеи Маха в области теории познания.

Мах предлагает исключить из научных исследований допущения, которые недоступны контролю со стороны опыта, и, прежде всего, допущения метафизические (в кантовском смысле). Мах выделяет четыре допущения подобного рода:

1. Существование вещи с ее признаками. Это допущение принимало в истории философии многообразные формы выражения (от «вещи в себе» до взгляда, что вещь, тело, материя есть ничто помимо связи их элементов).

2. Пространственные и временные свойства имеют статус более высокой реальности по сравнению с цветами, тонами и запахами.

3. Тезис о противоположности иллюзии и действительности.

4. Признание существования особых проблем, касающихся «Я» и его отношения к «телу».

Снятие указанных положений позволяет, по мнению Маха, все существующее свести к соединению элементов. Соответственно, задача науки сводится к тому, чтобы признать эту связь элементов и в ней ориентироваться вместо того, чтоб сейчас же объяснять ее существование.

Анализ опытных данных позволяет обосновать, по Маху, однородность элементов всех существующих комплексов и тем самым достичь монистической точки зрения, преодолев тянувшееся веками противоречие между идеалистами и материалистами. Противоположность между действительным и ощущаемым миром определяется только точкой зрения, но какой-либо пропасти между ними нет.

Целью научной работы является приспособление наших мыслей к фактам действительности, а все законы и формулы есть лишь средства для этой цели.

Диссертант сравнивает положения Авенариуса и Маха и приходит к выводу, что, несмотря на различные области исследований и независимый друг от друга характер работ, налицо несомненное духовное родство между ними.

В четвертом параграфе **«Критика эмпириокритицизма Э. Гуссерлем»** прослеживается логика критических замечаний Эдмунда Гуссерля в адрес эмпириокритицизма.

Гуссерль выделяет в качестве важнейшего для эмпириокритицизма принцип экономии мышления (или принцип «наименьшей траты сил»). Применение этого принципа признается вполне правомерным в сфере чисто дедуктивной методики, а также в области психической антропологии и практического учения о знании.

В то же время Гуссерль показывает, что этот принцип не имеет какого-либо значения для чистой логики и учения о познании и для обоснования, как гносеологии, так и философии вообще.

Ошибка эмпириокритиков состоит в том, что они принимают экономию мышления за исходный гносеологический принцип. В то время как реальной предпосылкой самого этого принципа выступает идеальное значение нормы, которая не выводима из эмпирических особенностей познания, в том числе и из принципа экономии мышления. Чистая логика предшествует всякой экономии мышления, а не наоборот.

По мнению Гуссерля, заинтересованность эмпириокритиков исключительно эмпирической стороной науки приводит к тому, что они проходят мимо гносеологической проблемы «идеального единства объективной истины», равно как и проблем закономерности и нормативности науки и логики, в то время как именно эти проблемы являются принципиальными.

Диссертант подчеркивает, что так называемые русские махисты как раз развивали положения о нормативности и объективности знания и что зачастую под видом развития марксизма на основе идей махизма они разрабатывали ряд идей феноменологии.

Вторая глава **«Идеи теории познания В. Базарова»** посвящена выяснению взглядов русского философа В.А. Базарова в области теории познания. Подчеркивается критическая направленность со стороны Базарова по отношению к определенным идеям Маха и Авенариуса. Обосновывается тезис о параллелизме между некоторыми идеями Базарова и феноменологической философией (интерсубъективность, постулат о взаимности перспектив).

Первый параграф **«Общая характеристика «русского эмпириокритицизма»** содержит краткое описание направления «русского эмпириокритицизма» с учетом условий его формирования и развития.

В силу ряда обстоятельств «русский эмпириокритицизм» оказался тесно связан с российскими политическими событиями и практически превратился в глазах многих из философского учения в своего рода идеологическую конструкцию, очень немного сохранившую от своего первоначального содержания. Поэтому, проблемой «русских эмпириокритиков» долгое время занимались политологи, но никак не философы.

На современном этапе ряд исследователей (В.С. Степин, В.Н. Садовский, В.С. Клебанер и др.) настаивает на марксистской основе программных установок философской концепции «русских махистов». Эта точка зрения представляется тем более верной, что сами «русские махисты» везде называют себя не иначе как марксистами, но никак не эмпириокритиками. Таким образом, более справедливо и корректно было бы говорить не о «русском махизме» или каком то варианте эмпириокритицизма, а об одном из направлений русского марксизма.

Идеи, которые развивали «русские махисты», были направлены на применение в теории познания одного из главных принципов Маркса, согласно которому объект дан познающему субъекту не в форме созерцания, а в форме практики. Поэтому они считали, что познание и практику необходимо рассматривать как целостную систему исторически развивающейся деятельности людей.

Таким образом, мы можем сказать, что эта программа ставила целью развить марксистский подход с учетом достижений науки конца XIX – начала XX вв. и найти ответ на те методологические проблемы науки, которые обсуждал эмпириокритицизм.

«Русский эмпириокритицизм» представлен целым рядом имен: В.А. Базаров, Я.А. Берман, А.А. Богданов, Н.В. Валентинов (Вольский), Г. Гельфонд, В. Лесевич, А.В. Луначарский, С. Суворов, П.С. Юшкевич и другие. Для специального рассмотрения были выбраны взгляды двух самых характерных представителей «русского махизма» – В.А. Базарова и А.А. Богданова.

Во втором параграфе **«Критика В. Базаровым идей Маха и Авенариуса»** рассматриваются как собственные взгляды Базарова в области теории познания, так и его критические замечания в адрес основных представителей европейского эмпириокритицизма.

С одной стороны, Базаров вслед за «критическими позитивистами» отрицает принципиальную пропасть между физическим и психическим и признает однородность единого мира опыта, хотя с точки зрения познающего интеллекта физический и психический миры совершенно разнородны.

С другой стороны, он считает недостаточным критерий Маха для различения физического и психического опыта: первое есть то, что не зависит от перемен в наших органах чувств, а второе есть то, что связано с изменениями наших органов чувств. И выдвигает свой критерий, более тесно связанный с практикой, и который мог бы применяться не только к движению предметов, но и ко всем вообще случаям, когда нам приходится различать действительные изменения и только кажущиеся.

Объективными можно считать все процессы, течение которых не может быть изменено без нашего воздействия на предметы, расположенные вне нас. Субъективными являются процессы, для изменения которых достаточно перемен, происходящих в рамках данного организма или организмов.

В понимании мира, как он нам дан, Базаров в общих чертах принимает точку зрения эмпириокритицизма, однако его гносеология включает критику теории «чистого описания», сторонники которой (Мах, Авенариус) считают, что познание – это лишь констатация данного, и задача ученого состоит в как можно более точном описании данного нам в опыте материала и не более того.

С точки зрения Базарова, экономичное описание опыта, как правило, вредит его точности и детальности, и вообще познание не есть простая фиксация сходства и различия в данных нам предметах. Сами предметы в процессе «опознания» их субъектом впервые выделяются из хаоса неопознанного и «дифференцируются» от всего остального содержания мира.

Мы познаем лишь такие факты, которые имеют отношение или к нашей непосредственной борьбе с природой, или к системе познавательных конструкций, созданных в связи с этой борьбой, а факты, стоящие вне этих двух областей, нами вообще не «дифференцируются». Таким образом, процесс познания, его направленность определяются, с одной стороны, интересами практики (борьба с природой), а с другой стороны, теорией (установление или разрушение общих связей опыта).

Даже пространство, время и причинность нельзя рассматривать как всеобщие и универсальные формы организации общечеловеческого опыта или средства познавательного творчества. Эти категории выступают необходимыми или целесообразными только в данный момент, на данном уровне развития человеческого познания, и нет гарантий, что не появятся новые «орудия» и средства, которые превзойдут ныне существующие, потому что процесс творчества в познании бесконечен.

Согласно Базарову, абсолютно не правы сторонники «чистого описания», которые склонны рассматривать данный нам мир как завершённое целое. Наоборот, природа не дана нам как некое связанное единство, целостность мира не предпосылка, а задача познавательного процесса.

В третьем параграфе **«Коллективный характер опыта, связь с идеей интерсубъективности в феноменологии»** показывается параллелизм между взглядами Базарова и рядом идей социальной феноменологии (А. Шюц) и рассматривается аспект, связанный с историческим характером «Я-психологии».

Положение Базарова о коллективном характере опыта представляется нам одним из наиболее значимых, так как, с одной стороны, мы здесь обнаруживаем несовпадение с философской концепцией представителей «второго позитивизма». С другой стороны, довольно чётко прослеживается близость к идеям социальной феноменологии, в частности, такого ее представителя, как Альфреда Шюца.

Базаров отталкивается от того факта, что европейские эмпириокритики везде ведут речь только о познающем индивиду, нигде нет упоминания местоимения «мы». И доказывает, что в действительности из одних только «моих» представлений никакого «единства мира» ни в пространстве, ни во времени сложить невозможно.

В итоге, один из основных выводов, к которым приходит автор, может быть сформулирован так: мир – это не есть «мое представление», но есть «наше» общечеловеческое представление.

Об этом фактически пишет и Шюц, рассуждая о проблеме интерсубъективности знания об окружающем мире. В диссертации показывается, что те примеры, которые приводит Базаров, в частности, пример с созерцанием леса,

вполне могут быть использованы в качестве иллюстраций к мыслям австрийского философа.

Оба автора приходят к одинаковому выводу: предположение, что данные мне предметы совершенно таким же образом даны другим людям, является необходимой предпосылкой познания. То есть, несмотря на различие в стилях изложения и в общем пафосе исследований, вывод Базарова об «обязательном коллективном характере» опыта и положение Шюца об интересубъективном характере знаний о мире можно признать вполне идентичными.

В тесной взаимосвязи с положением о «коллективном характере» опыта находится и критика Базаровым так называемого «индивидуалистического сознания» и вывод, что познающее «я» есть не более чем гипотеза, опровергаемая фактами, которые обнаруживают на самом деле безличный характер творческого процесса познания. Процесс научного познания происходит в индивиде, но не определяется его индивидуальностью.

Базаров выдвигает тезис об историческом характере «Я-психологии», которая, таким образом, не является единственно возможной. В диссертации подчеркивается, что здесь затрагивается реальная проблема, которая разрабатывается и в современной литературе. Так, Ю. Лотман показывает, что исходной точкой в развитии психологии необходимо взять стадное поведение, которое не было ни индивидуальным, ни коллективным, поскольку не знало этого противопоставления. И только на более позднем этапе возникает единая система, в которой индивидуальное и общее становятся аспектами единого целого. Указывается также на близость идей Базарова об историческом характере «Я-психологии» с положениями о поэтапном развитии человеческой психологии в работах М.К. Мамардашвили и Б.Ф. Поршнева.

В третьей главе **«Идеи теории познания А. Богданова»** формулируются взгляды А. Богданова в области гносеологии, показывается связь некоторых идей русского философа с феноменологией и марксизмом.

В первом параграфе **«Критика идей Маха и Авенариуса А. Богдановым»** характеризуются концепция эмпириомонизма А.А. Богданова и его критика ряда идей Авенариуса и Маха.

Взгляды Богданова не были отлиты в строго упорядоченную философскую систему. Это связано с тем местом, которое он отводил философии в познавательной деятельности человечества. Социальный опыт раздроблен реально в самой человеческой практике, поэтому никакой силой мысли его нельзя «собрать», объединить. В дальнейшем на смену философии должна прийти «общая наука об организации», которая сумеет установить универсальные методы и закономерности, на основе которых самые различные «элементы вселенной» будут объединены в «комплексы».

В связи с этим имеется определенная трудность в формулировке основных принципов философской программы Богданова. Представляется, это будет сделать легче через сравнение с положениями школы Маха – Авенариуса.

Так, Богданов считает элементы Маха-Авенариуса «недостаточными для выражения действительности» и не соответствующими действительному опыту, который не обладает статичностью, а наоборот находится в постоянном из-

менении. Поэтому предлагается перестроить понятие опыта, изменив пассивную точку зрения в понимании мира на активную. То есть, принять, что по мере того как расширяется и усложняется познавательная практическая деятельность человека, растут и умножаются элементы опыта, под которыми Богданов понимает как действия, так и вещи и их свойства.

Преодолевая субъективизм Маха и Авенариуса, Богданов выдвигает теорию «социально организованного опыта», согласно которой критерием объективности является признак общественной значимости или «социальной организованности».

В своих работах Богданов доказывает, что именно объяснение, а не точное описание опыта является высшей задачей научной деятельности. Вместо метода «чистого описания» Богданов выдвигает теорию «всеобщей подстановки».

Предложенная философская программа, согласно Богданову, впервые позволяет двигаться к построению стройной, непрерывно-целостной картины мира, свободной от познавательных скачков и противоречий.

Во втором параграфе **«Концепция всеобщей подстановки и ее близость с идеей аппрезентативной связи в феноменологии»** раскрывается значение и смысл учения об универсальной «подстановке» А. Богданова как метода познавательной деятельности и показывается возможность провести связь между этим учением и феноменологической теорией «символической аппрезентации».

Идея «подстановки» является одним из наиболее оригинальных положений эмпириомонизма Богданова. Суть ее формулируется следующим образом: один предмет или явление замещается в ходе познавательного процесса другим, реальным или мысленным, и такая подстановка применяется везде, где необходимо объяснение наблюдаемого. Происхождение подстановки Богданов связывает с началом речи и мышления.

Богданов описывает целый ряд возможных типов подстановки, подчеркивая, что необходимо различать в каждом из них как наивные, так и научные формы. Однако, на наш взгляд, все различия в формах подстановки можно свести к одному критерию: насколько удачной оказывается данная форма при ее использовании в ходе познания.

В целом можно сказать, что идея всеобщей подстановки выражает единство познавательного метода по отношению ко всему опыту. С ее помощью устанавливается непрерывность опыта («прямого» или «косвенного») как взаимно связанных и взаимодействующих комбинаций одного и того же материала на разных стадиях его организационного процесса. Принцип всеобщей подстановки распространяется на всю природу в виде соответственно переработанного метода взаимного понимания, который составляет суть социальной связи людей в процессе их совместной деятельности.

В диссертации проводится параллель между теорией познавательной подстановки Богданова и концепцией символической аппрезентации, которая как полагал основатель феноменологии Гуссерль, охватывает все случаи знаковых и символических «референций», когда объект, факт или событие переживаются не сами по себе, а как замещающие собой то, что не может быть дано непосредственно переживающему субъекту. Так, движение человеческого тела – жест,

речевая деятельность – воспринимается как проявление внутреннего мира другого человека, жизни его сознания, то есть того, что не может быть дано в непосредственном опыте. В диссертации показывается, что идея подстановки Богданова несет ту же смысловую нагрузку, а именно представляет процесс объяснения непосредственно данного через то, что в опыте в принципе не может быть дано. Например, видимое движение солнца по небосклону объясняется наукой через не воспринимаемое нашими органами чувств вращение земли вокруг оси и вокруг солнца, а ощущаемое рукой тепло предмета – через вибрацию невидимых атомов. Ощущаем тепло и «подставляем» в качестве объяснения вибрацию атомов.

В третьем параграфе **«А. Богданов и В. Ленин: проблема «тождества» общественного бытия и общественного сознания»**, отталкиваясь от полемики А. Богданова с В. Лениным, устанавливаются параллели в трактовке отношения «сознание – бытие» между А. Богдановым и М. Вебером.

С точки зрения А. Богданова, социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно психическая, а социальность нераздельна с сознательностью. Поэтому он говорит о том, что общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, «тождественны». В свою очередь В. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» делает вывод о независимости общественного бытия от общественного сознания людей. И исходя из этого, называет теорию тождества общественного бытия и общественного сознания Богданова «безусловно реакционной» и вообще «сплошным вздором».

Однако в качестве определенного подтверждения присутствия позитивного содержания в тезисе Богданова о тождестве общественного бытия и сознания в диссертации приводятся идеи социолога М. Вебера о причинах формирования капиталистических отношений в Европе в качестве господствующих. Следуя логике Вебера, получается, что возникновение определенной формы общественного сознания является необходимым предварительным условием формирования определенного общественного уклада, определенного хозяйственного строя. В частности, и у Богданова мы обнаруживаем тезис, что победа пролетариата может быть достигнута не захватом политической власти и не вытеснением капиталистического способа производства другим, социалистическим, а, прежде всего, созданием новой, качественно отличной от буржуазной, культуры.

В диссертации проводится мысль, что понимание Богдановым идеологии и ее роли в возникновении новых черт общественного бытия, а именно, что определенная идеология является необходимым условием для формирования определенного общественного уклада, – в значимых моментах перекликается с идеями Макса Вебера.

В четвертом параграфе **«Развитие Богдановым идеи Маркса об «объективных мыслительных формах»** доказывается, что теория А. Богданова о видах социальной причинности является продолжением учения Маркса об объективных мыслительных формах.

Существует точка зрения, что развиваемые «русскими эмпириокритиками» идеи были нацелены на применение в теории познания в основном лишь того марксова положения, что объект дан познающему субъекту не в форме

«созерцания», а в форме «практики». Однако можно показать, что выдвигаемая Богдановым концепция об исторических формах причинности есть развитие другой идеи Маркса – об общественно значимых объективно-мыслительных формах, представленной в «Капитале» в параграфе о товарном фетишизме.

Богданов выделяет три вида причинной связи, или объективно-мыслительных форм, которые сменяли друг друга, не исчезая совершенно, в истории человеческого общества. Это – первичная авторитарная форма мышления, которая привела к дуализму в понимании индивида в виде раздвоения на руководящее Я и руководимое тело; отношения причины и следствия как универсальной безличной необходимости, которому соответствует переход к господству товарно-меновых отношений, наконец, «социально-техническая» причинность. Последняя описана Богдановым очень кратко – форма познания, соответствующая господству пролетариата как носителю новой культуры. Можно предположить, что Богданов имеет в виду тот способ связи, который в последствии будет представлен в его всеобщей науке об организации, или тектологии.

В диссертации также показывается, что идея об исторически-преходящем характере способов познания, разрабатываемая Богдановым, перекликается с точкой зрения более позднего марксистского автора – А.С. Арсеньева¹.

В **Заключении** подводятся итоги и формулируются основные положения и выводы диссертационного исследования.

Завершает диссертацию **список использованной литературы**, включающий 162 наименования.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Полуян Н.Н. Э. Мах: основные положения теории познания / Н.Н. Полуян // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал. – № 4 (4). – Киров: ВятГГУ, 2008. – С. 37–41.

2. Полуян Н.Н. Идеи гносеологии Владимира Базарова / Н.Н. Полуян // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал. – № 3 (4). – Киров: ВятГГУ, 2009. – С. 13–18.

3. Полуян Н.Н. Александр Богданов об объективных мыслительных формах / Н.Н. Полуян // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал. – № 4 (1). – Киров: ВятГГУ, 2009. – С. 28–35.

¹ Ср. с работой А.С.Арсеньева. Наука и человек (Философский аспект) // Наука и нравственность. – М.: Политиздат, 1971. С.114–159.

Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов, материалах конференций:

4. Полуян Н.Н. Возвращаясь к старому спору о сознании и бытии / Н.Н. Полуян // Гуманитарные ценности общества: история и современность. – Киров, 2005. – С. 38–43.

5. Полуян Н.Н. Рихард Авенариус: человеческое понятие о мире / Н.Н. Полуян // Гуманитарные проблемы современного информационного общества. – Киров, 2006. – С. 36–39.

6. Полуян Н.Н. Метод «универсальной подстановки» Александра Богданова / Н.Н. Полуян // Ценности современной науки и образования. – Киров, 2009. – С. 24–28.

7. Полуян Н.Н. Элементы феноменологии в философской концепции В.А. Базарова / Н.Н. Полуян // Философия – культура – социум: аспекты взаимодействия. – Киров, 2010. – С. 12–18.

Подписано в печать 21.10.2010 г.

Формат 60×84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,25.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1491.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674

